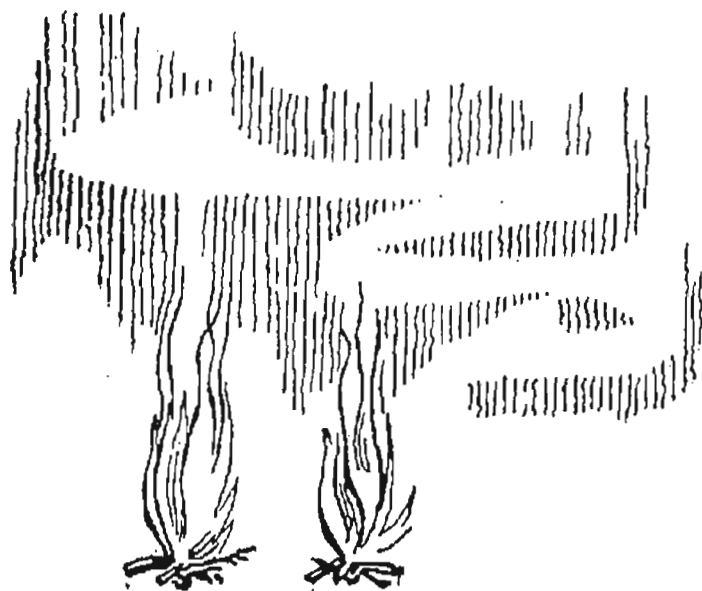

УЛУРО АДО
СЕМЕН КУРИЛОВ

ЮКАГИРСКИЕ КОСТРЫ

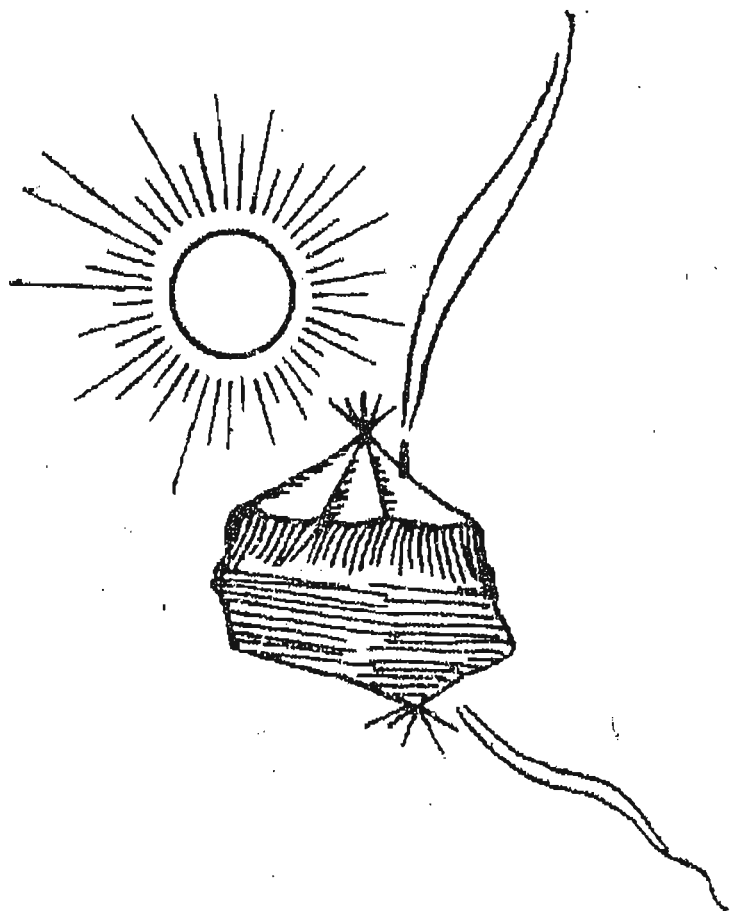

ЯКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯКУТСК ✖ 1965

Улуро Адо и Семен Курилов — представители литературы, которая только начинает создаваться. До них юкагиры имели всего лишь одного писателя — Тэkki Одулока, который погиб в расцвете творческих сил во времена культа личности.

Улуро Адо и Семен Курилов молодые способные писатели, и нет сомнения, что они много сделают для развития и становления юкагирской литературы, сделают ее достоянием всесоюзного читателя.

Художник А. Н. Осипов

КУРИЛОВ ГАВРИЛ НИКОЛАЕВИЧ (УЛУРО АДО)

Родился в 1938 году в Олеринской тундре Нижнеколымского района ЯАССР. По национальности — юкагир.

По окончании Хара-Тальской начальной школы некоторое время работал пастухом. Затем, окончив семилетку, учился в Чурапчинском педучилище.

Писать начал с 1961 года, во время учебы в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена.

С 1963 года его стихи и рассказы появляются в газетах и журналах Якутии и Москвы.

ЮКАГИРСКИЕ ОГНИ¹

Юкагирские огни...
Юкагирские огни
Ярко светят с высоты.
Прогоняют прочь
Северную ночь.
И такая тишина,
Что любая мысль слышна...

Стала ночь светлым-светла.
Стало больше тепла.
Потеплело вдруг,
Или кажется, друг?
Только кажется так.
А холмы дрожат
И, свернувшись, лежат
Наподобие собак.
Мир промерз до основ.
И озера до дна
Сотрясает озноб.
Стынут звезды дрожа
И, печали полна,
Цепенеет душа.

Сесть бы к жаркому костру,
До утра смотреть игру
Старика Мэру!²
С недоступной высоты
Светят яркие костры.

---

¹ Так называют полярное сияние якуты.

² Ритуальное название огня.

Прогоняют ночь,
Но не могут мне помочь...

— Где тепло? — говорю.—
В их огне не сгорю...
Где тепло, трескотня?
Это только тень огня...
Сердца нет.
Нет души.
Это только миражи...

1963

* * *

Видишь:
Мертвые остовы,
Белые жерди
На холме,
Как на острове
Смерти...
На стоянке,
Покинутой юкагирами,
Как останки,
Торчащие над могилами;
Как к чертям на рога
Залетевшие стрелы;
Как оленье рога
Эти призраки белы,
Как...

Но хватит сравнений!
Стенания эти

Не вернут поколений
Уснувших навеки.
Да и солнце такое,
Такая погода,
Что о вечном покое
Вспоминать неохота.
Разве можно, душа,
Предаваться печали,
Полной грудью дыша
Золотыми лучами?
Посмотри-ка в зенит!
И в груди твоей разве
Не поет, не звенит
Нескончаемый праздник?
Это солнце в крови.
Жизнерадостно бродит.
Песню чистой любви,
Песню счастья заводит.
И велит, чтобы ты
Жизнью шел, словно лугом,
Рвал слова, как цветы,
И дарил бы их людям!

Видишь:
Остов ствола,
Хворостин силуэты?
Это склады тепла,
Это памятник лету.
В потаенный состав
Этих палок печальных
Входят запахи трав
И багульник и тальник.
Это — сгустки лучей!
Ждут руки человеческой.

Ждут горячих печей.
Сами просятся в печи!
Терпеливые ждут,
Как влюбленный свидания,
Ждут, когда их сожгут.
Вся их жизнь — ожидание...
В колыбели огня,
В очаге юкагира
Запылает звеня
Солнце летнего мира.
Поглядит человек
В пламень, вьющийся зыбко, —
Из-под каменных век
Засверкает улыбка...
Посредине зимы
Зажигать в нас волнение,
Будоражить умы
Будут эти поленья.
Для больших наших дел,
Для открытий прекрасных
Надо, чтобы горел
Наш очаг и не гаснул!

1963

МАМА

У тебя фотографии маминой нет, —
Так сказал мне однажды друг.
Ну, а я усмехнулся ему в ответ
И промолвил:

— Взгляни вокруг!
Вот равнины морщинистые мои —

Это щеки мамы моей!
По холмам, словно жилки,
бегут ручьи, —

Это руки мамы моей!
Травяные ресницы синих озер —
Это мамин ласковый взор!
Тальников белеющая стена —
Это мамина седина!
Ошибаешься, друг! — я кричу в ответ. —
Вот он, мамы моей портрет!
Поскорей поглядите, мои друзья,
Как прекрасна мама моя!

1963

ДЫМ ЮКАГИРА

Чуть дыша, над крышей чума
Трепетал тупой дымок.
Даже тонкой кожи неба
Он пробить никак не мог.

Но когда пришел к нам Ленин
Ожил дым и потолстел.
Рассказать о счастье звездам
Он стрелою полетел.

1962

ВЕТЕР

Лица не имеет изменчивый ветер,
Но все же его мы узнаем, заметим —

В поклонах травинок белоголовых,
И в тихой беседе листов тальниковых.

И в том, как озера наморщились хмуро,
А по небу туча ползет, словно шкура.

Вот так же всегда и людей узнаем:
Они раскрываются в деле своем.

1962

ЗАРЯ

Солнцева невеста белолицая,
Встала зорька рано поутру,—
Отдирает острою скребницею
С небосвода черную мездру,
Чтобы Солнце поднималось бодро,
Чтобы целый день стояло ведро...

Коммунисты!

        Так и в нашем деле:
Гоним прочь неравенства потемки,
Чтоб землей уверенно владели
Наши ясноглазые потомки.

1962

НЕПОГОДА

Вот озера стонут, воют от натуги,
Волны белым стадом мечутся в испуге.
Небо так замерзло — просто посинело,

Малахай свой черный поскорей надело.
А в мешке заплечном — жарких стрел запас:
Пригодится Солнцу в следующий раз.

1962

НОЧЬ

Беркут над стадом оленей повис,
Глазом-луною уставился вниз.
Крылья, как весла, над миром простер,
Солнце закрыл — не видать ничего...
И отражения круглых озер
Слабо мигают на перьях его.

1962

* * *

Волною не буду:
Волна — что олень,
Не зря ее ветер
Пасет целый день.
А буду я облаком
Жарких погод:
Такое всегда
Против ветра идет.

1962

ПРИВЕТ СЕСТРЫ

Алазеюшка, моя бабуся,
Волю самой чистой синевы,

Вам поклон земной из Ленинграда
Я привез от бабушки Невы.

Мне она шептала, провожая:
«Поклонись, сыночек, от души
Северной моей сестренке милой —
Алазее, вьющейся в глуши.

Для нее под шубами привета
Положила пожеланья я:
Пусть живут эвены и одулы
Как одна счастливая семья!»

1963

ЗДРАВСТВУЙ, ПРИРОДА!

Тропинка шириною с палец
Меж бугорками вьется, вьется.
И вот он — ладный, хитроумный
Укромный домик земляной,
Жилище моего братишки.
Над ним на корточки присел я
И улыбаюсь, восхищенный,
Работой матери-природы.
Как вдруг трава зашевелилась
И показался сам хозяин —
Четвероногий, остроносый
Отец мышат, глава семьи.
Мы молча смотрим друг на друга.
Ну, что сказать?
Мудра природа!
И он, и я — ее частица.

Ведь я же человек, я — брат
Всему живущему на свете.
Да, здравствует вовеки природа!

1963

ЛАЧИЧЭДОЛ¹

Здесь трудится огонь —

Хайче лачин Мэру.²

Он недоступен ветру,

негасим.

Здесь дом его,

владения

и крепость

Из праха нашей

матери-земли.

И день, и ночь

он весело хохочет,

Бурлит котлами

с вкусною едой...

Хайче лачин Мэру —

он лежебок не любит...

Я, как и все,

хочу,

чтоб в вечном смехе

Веселого, шального

старика

Не стало копоти,

зола!

---

¹ Очаг с земляным ограждением в чумах юкагиров.

² Ритуальное название огня.

и тасенья,
Пусть вечно радостен
гудит он
в очагах!

1962

* * *

Соком спелой голубицы
Ранний луч плеснул на горы,
Золотистой пеленою
Он покрыл Албай могучий.
И сказал я, очарован:
— О, мой нежный и суровый,
Сторож Северного края,
Расскажи мне быль былую,
Расскажи о том, что видел
В горьких временах далеких.
Не всегда ж ты улыбался
Своим детям — юкагирам.
Молчалив и неподвижен
Лик Албая — крепкий камень.
Только ветер, что ласкает
Скалы снежные Албая,
Мне шепнул:
— Зачем волнуешь
Ты его
воспоминаньем?

1962

ПАМЯТИ ЛУМУМБЫ

Друг!

Стих мой сегодня поет
О славном сыне эпохи,
О человеке без страха —
О Патрисе Лумумбе...

Брат мой!

В краю метелей,
Где властвуют вихри и ветры,
Я имя твое услышал,
Увидел борьбу титана.
И гордостью затрепетало
Сердце мое...

Успехи твои

Эту вызвали гордость.
Казалось мне, что победа
Будет всегда с тобою.
Но, злые птицы-ханилы
Тучей закрыли небо.
Раскаты глухого грома
Тревогу в сердце вселили.
Злые, хищные когти
Безжалостно впились в Конго.
И палачи

оборвали

Твое дыхание,

Патрис...

Враги!

Не ликуйте напрасно!
Имя героя-титана,
Славного сына века,
Будет всегда бессмертно.
Ваше имя сгинет

В темных ущельях века.
А имя убитого вами,
Словно кусочек Солнца,
Будет светить столетия,
Будет гореть над миром
Ярким костром свободы!

1962

ЮКАГИРСКАЯ ПЕСНЯ

Старуха плакала навзрыд...
Неотвратимую бедой
Казалось, голос был зарыт
В земле могильной и сырой.
Старуха плакала навзрыд,
Но не было горючих слез —
Поток их в юности пролит,
Их ветер северный унес.
Старуха плакала навзрыд,
Седые волосы рвала.
Так неужель не поспешит
К ней ветер ласки и тепла?!
Старуха плакала навзрыд...
Вдруг Солнце улыбнулось ей!
И, к светлой жизни путь открыв,
Позвало северных людей...
Старуха горя горб сняла,
И песню звонкую свою
Стройна, как девушка, несла
В народов славную семью.

14954.
ВИТЕБСКАЯ
РЕГИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

И песню эту все поют —
Звучит она над новым миром
В свободном, радостном краю,
Что дарит счастье юкагирам!

1962

ЮКОЛЭЛ УЛУРО¹

Мое Юколэл Улуро!
Ты — древнее, как жизнь,
Тайнственное,
Мудрейшее,
Откровенное —
Предо мною лежишь,
Белые цветы —
Волны с пеной —
Кидая к моим ногам...
За что же,
Кидаешь цветы мне?
Такое
Большое уважение мне?
Ведь
Я еще ничего вроде
Для внуков твоих не выстроил,
Для юкагирских
Моих сородичей...
Мое Юколэл Улуро,
Мое Юколэл Улуро...

---

¹ Название озера.

Ты,
Как глаза поющие
Наших девушек,
Такое веселое...
Такое веселое!
Как будто и не ты
Видело слезы юкагиров,
Как будто и не ты
Целые
Их стойбища хоронило...
Ну что ж!
Смейся!
Волнами смейся,
Пой травами,
Пой —
Ты имеешь право.
Только спрячь,
Надежно спрячь
От всего мира
Слезы юкагиров,
Чтоб земля
Никогда
Не плакала от печали;
Чтоб собаки
Никогда
Не выли ночами;
Чтобы чайки
Никогда
Не свивали гнезда
На сгнивших сетях;
Чтоб лачидэдолы
Никогда

Не зарастали травой...
Мое Юколэл Улуро!..
Смейся!
Волнами смейся.
Пой травами,
Пой
Из года в год.
Воспевай мой народ...

1962

ДОЖДЬ

Тучи в небе почернели,
Как рога оленье...
Вот идет он,
чаще,
чаще...
Снег повсюду тает,
Как от жарких,
от горячих,
Золотистых
солнца
копий...
Почернели тучи в небе.
Вот он
землю
моет спешно
И косым,
прохладным гребнем
Седину ей нежно чешет.

Солнце наше, наше счастье —
Весь улыбкою лучась
Над поселком пролетает.
И с ресниц моих сон тает.

* * *

В этом северном краю,
Где рассказы я крою,
Почему так нелюдимы
Все проходят мимо, мимо?
Почему пурга лишь воет
И в груди так сердце ноет?
Сам виновен: от злословий
Не берег свою любовь,
Не сберег от хлестких ветров
Нашей нежности цветков.

1961

РИТУАЛЬНАЯ ПЕСНЯ¹

Травки, травки —
Дети солнца!
Ивы, ивы
Стрелы Солнца!
Веселитесь!
Абуче²
Голосистых, жирных теплых
Подарила нам удачу!..

---

1 — Песня исполняется перед убиением гусей, загнанных в загон

2 — Бабушка.

А вы, птицы,
Не грустите.
Вы проснетесь —
Это точно! —
И услышит Солнце снова
Ваших песен чистый звон!

Лучше вспомним
Мудрых сопок,
Белых скал
Стройный стан,—

Как над ними
Пролетая,
Крыльям силы
Обретали!

Как в тени их
Мы резвились
И гнездо
Дитятам вили.

Абуче же,
Собери-ка
Песни звонкие
Своим волнам.

Пусть поют их
Голосами
Белозубые
Твои волны!

И зовут
Удач горластых
Ожидающим
Загонам.
Чтобы песни
Вновь запели
Старики — мы,
Вот как нынче:
Ой-йя, ой-йя,¹
Ой-йя, хий-йях!..
Начинайте усыплять...

1963

РОССИЯ

Слышишь
Песни юкагиров?..
Полны
Счастья и веселья
Мы тебе,
Россия,
Песни
Благодарности слагаем.

А ведь вспомни,
Вот недавно
Мы от оспы

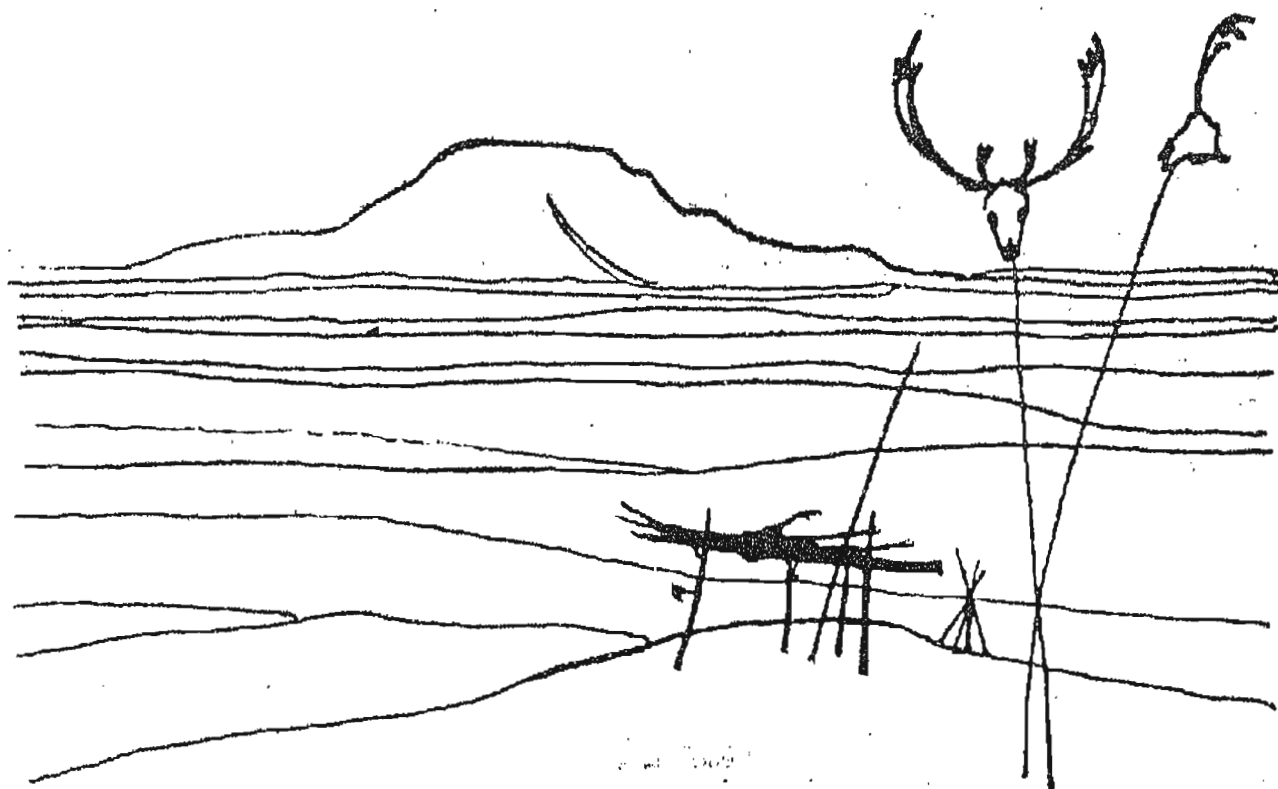
---

¹ — Междометие, означающее радость, победу.

Издыхали.
Из печальной
Жизни наши
Исчезали
Имена.
Или вспомни,
Как от горя
Наши чумы
Волком выли,
Вторя плачу
Одичавших
Подыхающих
Собак...
А теперь, ты
Слышишь, песни
Расцветают,
Словно весны.
И огня
Веселый танец
Оживает
В очагах.
Это ты
Вдохнула жизнь,
Это ты
Дала нам силы.
Ты,
Россия,
Свет вручила
Затухающим
Очам!

Вот за эту
Радость жизни
И за этот
Свет — подарок
Мы тебе,
Россия,
Песни
Благодарности поем!

1963

ПАСТУХ

Длинные, ой как длинные сутки для пастуха! Они тянутся-тянутся, словно бесконечная северная равнина. И кажется, что их каюр — вечномолодое остроглазое солнце, заснул в пути. В таких случаях всезнающие старики говорят, что солнце смутилось от человеческого взгляда. Старики, старухи, мудрые старики...

«Бумажка!.. — Шагах в двух от меня, между кочками, белела бумажка. — Наверное, кто-то курил махорку да забыл положить в карман», — подумал я и развернул.

«Здравствуйте, дорогие папа и мама! Это пишет вам плохой сын Конде...» — Эрге!¹ Ведь это мое письмо! Как сюда попало? А! Вчера, наверное, выронил. — «Сейчас

¹ Междометие, близкое по значению русскому «фу!».

ваш Конде уже один пасет стадо, а в стаде полторы тысячи оленей. Они его совсем не боятся, за человека не принимают. Особенно не слушают, когда в кормовище много грибов. О, их они очень любят. Глаза у них темнеют, и они прямо на пастуха бегут. Конде один раз даже плакал от обиды...»

Тут что-то больно кольнуло сердце. Это обида, утренная обида проснулась во мне...

Когда солнечные лучи начали свой золотой танец на утренней росе, я вернулся. Сердце мое захлебывалось от радости, даже усталость, камнем давившая, казалось, сползла, улетела, а желудок больше не просил еды, как будто одно приближение к чуму утолило голод. Но это продолжалось только до тех пор, пока я не очутился в дымном чуме. За столом сидели бригадир и двое русских геологов. На столе дымилась жирная оленина, а возле тарелок — серебристая «плохая вода»,¹ в граненых хрустальных стаканах. Увидев меня, бригадир хотел было улыбнуться, но в следующий же миг все его внимание потонуло в стакане.

Вскоре геологи уехали к себе, и я остался с бригадиром. Он же был красный, как луна, и поглядывал на меня неопределенными сонными глазами. Потом подсел ближе ко мне, обнял за голову и поцеловал где-то около подбородка, обдав при этом противным запахом спирта. Просящее взглянул на меня, спросил:

— Конде, младший братишка, скажи-ка, могу ли я сейчас идти в стадо?

Я ответил, что, конечно, нет. Он заулыбался, обнажив темные гнилые зубы:

— Вот-вот! Молодец, мой братишка, сразу видно, ум-

---

¹ Спирт.

ный, о, очень умный! Весь в отца!.. Ну, а теперь скажи, что сделать со стадом? Оставим без пастуха?

Я ответил, что оставить стадо без пастуха нельзя. Тут бригадир заерзал на месте и, склонив голову набок, как собачка, ждущая кость, сказал:

— Вот-вот! А Татор сегодня поехал к дедушке, вернется только к вечеру. Я не могу... — и с озабоченным видом глядя на огонь, хотя это ему плохо удавалось: — Ну кто же пойдет?.. Кто, а?

Я понял. Про себя послал его к «невидимому черепу дьявола»¹ и, с трудом проглатывая затвердевший вдруг кусок мяса, тихо произнес:

— Вчера олени напали на грибы... помучили...

— А зачем ты сюда пришел! Задаром есть мясо?! — грубо перебил меня бригадир, и, началось. Сначала — поучения, потом ругань, а в конце — угрозы.

Вернуться в стадо все же пришлось.

Олени меня встретили недоуменными взглядами, как бы спрашивая: «Ты что, опять пришел?», но тут же, как бы говоря: «А нам все равно, кого мучить», с самым безразличным видом стали искать «спрятанный» ягель. Только один старый хондетэгэ² еще долго сочувственно глядел в мою сторону. Подошел к нему. Олень спокойно дал обнять себя за шею. Взглянул в его умные глаза, и губы мои невольно шепнули: «Ничего, старина, выдержим»... И вот сижу на круглой, как голова, лохматой кочке. А обида, затихшая было на время, опять проснулась и стала грызть мое сердце: «Эх, если б там был отец. Показал бы он ему...» От воспоминания об отце защипало в носу, на глаза навернулись слезы, сквозь капли на ресницах увиделось изрытое морщинами доброе

¹ Ругательство.

² Прирученный был олень.

лицо отца. Оно то приближалось, закрывало все небо, то уходило, исчезало в далеких облаках. О, как мне хотелось, чтоб рядом был отец, погладил по голове, пожурил немножко, посмеялся надо мной. Но его не было. Даже образ его, вызванный памятью, сразу исчезал: стирали олени, их ветвистые рога, пестрые бока, плывущие как по воздуху. Все же добрые глаза отца, словно синие лоскутки неба появляясь между облаками, успокаивали, подбадривали меня.

«Хватит плакаться!» Встряхнул головой, встал, огляделся кругом. Далеко на холме, как снег, белел наш чум. Там, верно, еще ругается бригадир. А здесь! Какой простор! Какая свобода! Никто не ворчит на тебя. Ты — хозяин! Захочешь — поешь, кричишь, прыгаешь, можешь и помечтать. И мне так весело стало! Захотелось даже... прыгнуть на лохматые облака, висящие надо мной, как черные олени шкуры, снять их и освободить солнце. И — чудо! — словно прочитав мои мысли, облака чуть раступились, и оттуда выглянуло веселое солнце. Оно опустилось на меня, на оленей, на холмы и побежало дальше, прыгая километровыми шагами, оживляя тундру. Я побежал за ним, перепрыгивая ямы, кусты тальников. Мое настроение передалось и оленям: один такой же молодой, как и я, стал скакать, к удивлению других, высоко поднимая задние ноги. И так смешно, стыдно стало мне, глядя на него, что даже пальцы вспотели. Вот таким смешным, наверно, выглядел и я со стороны. К счастью, никого вблизи не было. А олени, немые, природой обиженные, никому ничего, никогда не расскажут...

Завечерело... День заторопился на запад, в спешке даже не убрал грязные шкуры-облака. Они так и остались висеть на ночь. Вслед за уходящим днем появились старшие сестры ночи-сумерки. Они шаг за шагом, метр за

метром, закрывая озера, болота, ямы, стали наступать на меня со всех сторон. Вот уже скрылся белый чум, куст густого тальника, важно восседавший на курганчике, озеро, круглое, как тарелка, и желтое большое болото. Олени, почувствовав приближение ночи, задвигались, заторопились, — надо же плотно поужинать перед сном! — и разбрелись в разные стороны, гоняясь за сладким манящим ягелем. Пришлось поорать и дать порядочную нагрузку уставшим ногам.

Постепенно стадо округлилось, сплотилось и улеглось спать. Только молодежь еще гуляет, дразнит старших. Вот годовалый бычок напугал старого быка, внезапно боднув сзади. Бедняга, не ждавший нападения, мигом вскочил и, по инерции сделав несколько шагов, остановился. Постоял, лениво пожевывая оставшийся во рту ягель, затем, медленно повернув голову, взглянул на нарушителя. И что бы вы думали? Поборов свою лень, бросился на бедного шалуна. А тот — раз! И за спину других. Найдите его там!..

Наконец, все легли. Уснуло стадо, уснуло все вокруг: и храбрые северные березки, и бездонные темные ямы, и желтые хлюпающие болота, и голубые нестареющие озера. Уснули, наверное, и пьяный бригадир, и в далеком родном чуме — отец и мать, и дружки в поселке — Оподе и Коля. Все! Все! На мягкой оленьей шкуре. И видят приятные сны. Только я, как провинившийся, со слипающимися глазами вторые сутки хожу по сонной тундре. А сон так и давит, вот-вот свалит...

Бодрствует одна ночь, мигом счистившая грязные облака да ее детки — веселые звезды. Им, конечно, весело: они весь день не бегали за оленями, никто им не мешал спать. Вот поэтому-то катаются по небу, как по льду, да глядя на меня, перемигиваются между собой.

Но зато на земле, уставшей от птичьего гама, острых копыт оленей, жгучих иголок солнца, стоит глубокая тишина: земля, безобидная старушка, крепко спала.

Обошел стадо. Все спокойно. Ни единого движения, шороха. Даже жутко.

Отдыхаю, упираясь грудью на палку. Так надежнее. Одолеет сон — упаду, напугаю его. О-о, он коварен, этот сон! Тебе будет казаться, что ты не спишь, просто думаешь о том о сем, а встанешь на ноги.. Утро! Ни оленей, нич-чего! Со мной такое случилось недавно, месяц тому назад, когда впервые стал выходить один на дежурство. Днем, как и всегда, мне пришлось побегать, собирая оленей, и к вечеру до того устал, что вопреки предупреждениям опытных пастухов, лег на землю. Усталость как рукой сняло. И так приятно было лежать, забыв обо всем на свете. И так влюбленно глядели на меня звезды, что я решил обязательно спеть им свою самую любимую песню и только после этого встать. Пел громко, с чувством и, вдруг, с радостью почувствовал, что я... дома, у родителей, а вся эта беготня за оленями, слезы — сон. Мать надо мной наклонилась и смеется. И спрашивает, кого ты испугался, сынок. Я рассказываю ей, как я во сне пас стадо, как целый день бегал, как плакал от обиды на оленей. И как пел звездам свою самую любимую песню. Мать все улыбалась, потом внезапно глаза ее расширились, рот раскрылся и как-как закричит: «Где?! Где оленей?!» Я поднял руки и закрыл ими лицо, как бы защищаясь от удара, и... проснулся. Оказывается, это кричал бригадир. Лицо у него было страшное. Он был готов не только избить до смерти, но и съесть меня. Но я среди сверстников всегда отличался увертливостью — мигом вскочил на ноги и давай бежать. Сначала бригадир бросился было за мной, но, видя, что ему не догнать, остано-

вился и от злости стал грызть чаут,¹ посылая мне вдогонку проклятия. К счастью, в ту злополучную ночь не пропало ни одного оленя, а то бы мне не миновать порки.

И вот с тех пор, не-ет, не ложусь на землю. Не попадаю в силки сна.

Дав отдых ногам, опять волочусь. Прислушиваюсь к каждому звуку, вглядываюсь в темноту... Ничего подозрительного. Нет!.. Я замер. Мои сонные глаза выхватили что-то черное, большое... движущееся. «Что это такое?! Волк?!» Глаза мои проснулись, загорелись и стали изучать таинственный предмет. Затем, холодея всем телом, крепко сжав палку, осторожно направляюсь туда, вернее, мои ноги направляются. Медленно сокращается расстояние между нами. Чтоб спугнуть зверя, я стал громко говорить, ругаться. Но он не двигался, большой, бесформенный. «Наверное волк, притаился за кустами,— промелькнула мысль.— Ждет меня.» Сердце стучало, билось, как пойманная куропатка, стремилось выскочить наружу — трепетало около рта. По спине пробежал противный холодок. «А может, людоед? — От отца слышал, как за ним однажды гнался одноногий людоед.— Откуда знать, может, еще не вымерли они...» Опасливо, чтоб чудовище не заметило моего поворота, оглянулся: никого. Стадо спокойно спало, уткнув носы в землю. Оленей было много, очень много, а на холме — люди. Это придало силы. Значит, я был не один...

А волк, или кто там еще, лежал, притаившись за кустами. Делаю шаг, другой, держу палку впереди себя, приготовил ножик. «Вот болото! — громко кричу.— Обогну с юга! Через него, надеюсь, не прыгнешь!» До куста осталось не больше десяти шагов. Отступать уже нельзя.

---

¹ Чаут — аркан.

² Юкагирские костры

Если трус увидит, что от него бегут — осмелеет, обнаг-
леет. Очень мало осталось до куста. Кровь холодеет в
жилках. «...хороший, настоящий был пастух...» — скажут
завтра, увидев мои кости. И все будут плакать. Бригадир
тоже. Ведь все это произошло по его вине. А мать... ослеп-
нет от слез...» Глаза устали от напряжения, вспотели, и
пот течет по щекам. «Нет! Я не плачу! Это глаза вспоте-
ли. Ы! Кукул! ¹ Не радуйся!» — Я больше не шел. Стоял
посреди болота, по колено в воде, выкрикивая все, что
приходило на ум. Потом передохнул — тишина страшная!
Только ветер, споткнувшись об меня, грустно воет в ушах.
— Э-ге-ге-ей!.. — Но волк — никакого внимания на мои
крики. И тут: «А-ай!!!» Он пошевелился! Даже тальники
закачались! И поднялся! И вытянулся! И... зашагал к
оленям... годовалый олененок, по прозвищу Лодырь!

Нервный хохот вырвался из груди. Подбежал я к
«страшному» кусту и, уткнувшись в землю, горько запла-
кал от стыда, позора. Так пролежал несколько минут, до
тех пор, пока в груди не растаяла горечь обиды. Потом
поднялся, снял малахай. Задобревший ветер прозрачной,
нежной рукой стал вытирать мое лицо, гладить щетини-
стые влажные волосы. От этого прикосновения по телу
пробежала приятная волна от головы к ногам и там ис-
чезла, а вместе с ней и все волнения, страх. Все мое су-
щество пело, веселилось.

Счастливый и довольный (ведь все-таки победителем
оказался я, а не «волк»); повернулся к стаду. Олени, ми-
лые олешки, обеспокоенные моим странным занятием,
проснулись и стояли на стройных, как ива, ножках и гля-
дели на меня. — «Милые...» — вскрикнул я от наплывшей
радости, любви к ним, и крепко-крепко зажмурил глаза.

---

¹ Ругательство. По-русски — черт.

Так стоял несколько мгновений, потом медленно стал разъединять прилипшие друг к другу веки: в прозрачном тумане плыли олени, синее небо с побледневшими звездами, сумрачная, старательно вымытая ночью равнина. И столько красоты было вокруг, что с ужасом подумал: не сплю ли я? Для проверки ущипнул кожу на руке. Нет, не сплю! Как же раньше не замечал этой красоты? Неужели мои глаза были закрыты белой пеленой, как у Охаде? Нет! Просто думал только о своих сутках, как продежурить без потери, без лишних хлопот, не очень уставая.

И понял: в жизни для того и существуют трудности, преграды, чтобы их преодолевать, а побеждая — прозреть!

1963

СТАРИК НЯВАЛ

Вертолет плавно поднялся над тундрой и взял курс на юго-запад.

Нас, пассажиров, трое. Рядом со мной — Нявал, одноногий щупленький старичок. Едет на медицинское обследование. Напротив нас — больная. Бедняга лежит, зажав рот в рукавицу.

Внизу, под нами — тундра! Широкая, как добрая улыбка, гладкая, как лоб младенца. И сопки, сопки — седые старцы, сидящие за круглыми столами молчаливой беседы. А во-он! И наша сопка. Вчера мы с дедом весь день просидели у ее подножия. Там — проталина, или как называют ее юкагиры, чашечка озера. Проталина — это единственное место весной, где можно добыть рыбу. Потому у юкагиров даже предание о них появилось. В нем говорится, что озеро Улуро, заметив вернувшихся к его бере-

там, голодных, исхудавших людей, спешно разбивало свои чашки, чтобы туда, на свет, устремились рыбы. И будто, только благодаря этим чашкам, юкагирам возвращалось угасавшее дыхание...

Вчерашняя наша чашечка была небольшая (но грозная, готовая проглотить первого же неосторожного) и в ней, вчера, уместилась только одна сеть. Остальные вынесли на берег. Наскоро собрав хворостин, развели костер. Пока закипал чай, я из мешка достал книгу «Сельские жители», чтобы продолжить заочное знакомство с ее творцом. Но мне вчера, так и не пришлось, вкусить радость встречи — помешал старик. Он, минуту назад заковылявший к сопке, внезапно вырос надо мной и шумно подсел к костру. Снял малахай, хотя и было прохладновато, деланно покашлял и из бокового кармана дохи вытащил заржавевший «столетний» нож. Повертел его в руках, осторожно, как бы боясь причинить боль, погладил его бока. Я подвинулся поближе к нему и спросил:

— Твой?..

— Мо-ой! — быстро ответил старик.

— О-о! Кажется давно потерял! Рукоятка совсем по-замшела.

— Да-а, давно-о... тогда твоей-то матери не было на свете, — тихо ответил Нявал и, улыбнувшись: — Куда там ей! И я-то только-только на ноги встал...

Старик нащипал прошлогодней, пожелтевшей травы, завернул в нее нож и спрятал в нагрудный карман. Затем надел малахай и, достав трубку, завернутую в кисет, закурил.

— Вот там, — он указал на старое, заросшее травой, становище, — перед выходом к морю останавливались, устраивали игры, соревнования, бегали, боролись.

— А в бегах, далеко вы бегали?

— Да-да, бегали... вокруг озера бегали... бабушку нашу «обнимали».. а бабушка Улуро и тогда была такой же большой, мудрой, только в нескольких местах сейчас берег сильно разрушился... Э-э, потом... скупая стала, рыбы мало давать стала,— тут, опомнившись, перекрестился и негромко: — Ой, кого стал судить на старости лет? Бабушка, надеюсь, не обратишь внимания на слова одуревшего сына... И вот, значит, в ту последнюю весну тоже бегали вокруг бабушки... Тогда я этот нож выиграл,— постукал по карману. И, наморщив лоб, продолжал: — Постой-постой, сколько же лет он здесь лежал?!.. Три года там прошло, потом два года пастушил у чукчи Тымкина, потом... а, совсем забыл...

— Дедушка, а что вы делали на своем празднике?

— Да-а, как праздник проводили, пели, танцевали... А перед выходом к морю все вместе выходили на охоту... При помощи сэбунечэ охотились. А ты слышал хоть о них?

Я согласно кивнул головой. Отец не раз рассказывал о них, приученных диких оленях, заманивающих своих диких братьев к своему хозяину.

— Дедушка, а как вы тогда пели? Как и сейчас, почти без слов? Или что-нибудь сочиняли?

— Да-а, пели... на приз пели... одна девушка его всегда выигрывала, хорошо пела... сама сочиняла, слова находила, должна была стать твоей бабушкой, бедняга... в ту последнюю весну особенно хорошо пела...

— А что, она скончалась?

Я слышал, что в прошлом, молодые люди еще детьми, находясь в колыбели, нарекались мужем и женой. Поэтому, достигнув восемнадцатилетнего возраста, а то и раньше, начинали жить вместе. Бедной девушке волей-неволей приходилось идти к нелюбимому человеку. В свою очередь, юноша тоже не имел права жениться на другой, в

противном случае вызывал гнев бога, за что, конечно, тот безжалостно наказывал строптивца. Женитьбе таких людей могла помешать только смерть одного из них.

— Да, скончалась,— ответил Нявал, после продолжительного молчания.

— Отчего же?..

Это было слишком с моей стороны. Надоедать своими вопросами — не дело. И все же в данном случае, меня очень заинтриговало его «в ту последнюю весну». Значит, рассуждал я, после той весны или он, Нявал, ушел с этих мест, или же весь род вынужден был переехать на другое место. Но ведь, что бы ни случилось, священных мест не оставляют! И ведь, покинуть свой род может только девушка, выходящая замуж за человека из другого рода! А может, Нявал любил воровать? (Воров, юкагиры не терпели, вор считался последним человеком, поэтому его просто выгоняли из семьи). Нет, по рассказам стариков, он не страдал этой болезнью. Что же еще? И тут меня обожгла страшная, дикая мысль: неужто весь род погиб!.. И в том числе та, которая должна была стать моей бабушкой?! Ну, отчего же, они погибли?..

Старик сделал вид, что не расслышал моего вопроса и преспокойно продолжал курить. Он пристально глядел на одну точку в пламени огня. Затем медленно выколотил пепел из трубки, так же медленно завернул ее в кисет и положил в карман. Только после этого тихо сказал:

— В прошлом у нас, в тундре, не видели дохтуров... поэтому даже от маленькой болезни умирали... шаманы не всегда излечивали нас... очень много молодых людей здесь уснуло... О! Хороших ребят много было, а всех их нет теперь. Все превратилось в мох, бедняги... Помню, в ту последнюю весну вдесятером бежали... О, а как легко бегали! Не то, что нынешние. У теперешней молодежи,

кости что-то потяжелели, уж слишком жиром объелись... а тогда — все тоненькие, сухие, специально себя готовили. Ведь в то время мы не надеялись на лаек и на оленей, все ногами... сами догоняли... Помню, заметим диких оленей, где-нибудь на холме или посреди широкой равнины — и вот бежим в другую сторону, чтобы подойти к оленям с другой стороны, двоих-троих оставляли в засаде... и гоняли диких оленей к ним... А до нас еще страшные будто рождались, рассказывают, когда-то мы с чукчами очень часто ссорились... они пришли сюда с Анадыра... вместе с нами стали жить... нас боялись будто, поэтому из-за угла убивали наших богатырей... Но одного так и не смогли убить, Идилвея... О, страшный был человек. Будто чукчи ночью окружали его чум, чтобы убить... а он вылетал через онидигил,¹ приземлялся сзади них... Да-а, очень многое о нем рассказывали да я забыл некоторое. — Все это он говорил возбужденно, вдохновенно, но потом, стиснув, продолжал медленно: — Э-э-э, после игр, весной, мы, молодые, выезжали к морю. Стариков и старух оставляли здесь... Помню, в ту весну, ночью ходили на охоту и легли спать утром. Не знаю, сколько спал, и вдруг на щеке почувствовал легкий поцелуй... обрадовался, в груди моей тепло-тепло стало... думал это моя дорогая целует меня... она часто ко мне приходила... Медленно приоткрыл глаза, ожидая увидеть ее улыбающееся лицо... но никого не было в чуме. Это солнце, оказывается, задело меня лучами. В чуме было тихо, свежо... Где-то, на склоне холма, ребятишки играли в прятки, должно быть мешали своим мамам, — время от времени слышались их недовольные окрики... И вдруг все смолкло... Кто-то подошел к нашей детской нарте, там хранились наши

---

¹ Верхнее дымовое отверстие.

ружья, потом к нему подошел еще кто-то... Поговорили шепотом... Я почему-то заволновался, не случилось ли что-нибудь с Хонмэрау, и, быстро одевшись, бросился к людям. Оказалось, Хонмэрау здорова, вместе с подругами пошла рубить тальник для топлива... Зато девчонок, ходивших за прошлогодней черникой, что-то человекообразное напугало... И мы пошли туда...

Старик вытащил трубку, набил ее листовым табаком и закурил. А вокруг — тишина. Ни ветерка, ни единого звука. Казалось, тундра затаила дыхание в ожидании чего-то тревожного, страшного. Даже солнце, вдруг, взгрустнув, прикрыло лицо бледными облаками, и стало поглядывать на нас через тоненькую щель. Я тоже молчал, наблюдал за молодым Нявалом, улыбающимся из колыбели жизни — костра. Рядом с ним стояла та, которая должна была стать моей бабушкой.

— ...Пришли в указанное место, обшарили кусты, заглянули в каждую яму, — продолжал старик через некоторое время. — Ничего не нашли... Кто-то, кажется Чиндлу, сказал: «Э-э, наверное, дедушку¹ издали видели. Давайте вернемся, приготовимся к отъезду». А Эню говорит: «Должно быть, шайтана видели; холодно же ему все время лежать под ледяной водой, вот и захотел погулять. Пусть гуляет — тундра широка, места ему хватит, а мы лучше вернемся домой, поспим немножко перед отъездом»... Правда, о шайтанах я много слышал. Рассказывали, будто прадед нашего Эппэлю видел их. Будто за ним они гонялись в сумерках, волосатые, длиннорукие, со стоячими глазами. Правда или неправда — не знаю, должно быть — неправда... И вот так разговаривая, подшучивая друг над другом, пошли домой. Татуор почему-то немножко отстал от нас... и вдруг, когда мы отошли от

¹ Медведь.

него на расстоянии пяти чаутов, он громко вскрикнул. Ну, мы, конечно, прибежали к нему... он показывал вниз на берег — там корчился человек. Спустились бегом к нему. Это был Испердуон... Как только он дополз до нас!.. Он жил в Талахе, рыбачил, там жили несколько русских торговцев, нам продавали чай, табак, иногда порох, дробь... — Старик глубоко вздохнул, выколотил пепел из трубки и тут же набил ее табаком. — В тот же день я поехал на запад, к горе Албай. Там жила шаманка, — Нявал взял уголек с костра, поднес его к трубке, прикурил. Сделал несколько глубоких затяжек, опять глубоко вздохнул, выпуская синеватый дым через рот и ноздри.

— Шаманка сначала не захотела ехать со мной, ворчала, сопела. Чертовка, тянула до вечера... а ночью я заболел. Три дня никого не узнавал... на четвертый день открыл глаза и немного поел... Чуть поднявшись на ноги, я решил вернуться. Гад, невидимый череп,¹ шаманка тоже поехала со мной... Ехали очень медленно — старуха не могла долго сидеть в седле... Только на третий день пути поднялись во-он на ту сопку... Тут я почувствовал себя на родной земле... обрадовался. Чуть не запел... Откуда мог знать, что готовит мне судьба!.. Под этим курганом, — указал на небольшой холмик, весь обросший колючей травой, — шла наша тропа... Только меня удивляла сонность стойбища, ни из одного чума не выходил дым... «Неужели до полудня все спят», думал я. И вдруг... перед нами встал человек! Олени наши бросились в сторону... чуть не раскидали нас. Я бросился к человеку, сам очень заволновался, сердце мое почуяло неладное... И вот иду к этому человеку, а он от меня отступает, спиной вперед идет... Лица-то не видно, прикрыто волосами. Вижу, волосы до подбородка доходят, одним словом — ни мужчина,

¹ Ругательство.

ни женщина. Кто же это, думаю, и преследую. Ну потом не выдержал, раскричался, кричу ему: «Эй, ты, сатана, кто такой? Почему убегаешь от меня?». А он не отвечает, все трясется. Потом встал на колени и раскрыл лицо... Это была моя... та, которая должна была стать твоей бабушкой... Хонмэрау...

Он замолчал. Узкие морщинистые глаза все больше стали суживаться и оттуда вылезла жиденькая слезинка. Он отвернулся от меня, пошарил по земле, ища трубку, до этого упавшую из его рук. Я поднял его трубку и взглянул ему в лицо. Оно было мокро... О, эти слезы! Стоны сердца! Как больно их видеть на лице старого человека! О чем вспоминает старая душа в этот миг! О чем скорбит?!

Губы старика что-то шептали. Сначала я не расслышал о чем он говорит, только позже, внимательно прислушавшись, понял его. Он ругался, по своему, обзывал «собачьим отбросом» прошлую жизнь... Минуту спустя, он успокоился и продолжил свой печальный рассказ:

— Все лицо ее было в нарывах... За какую-то неделю погибло почти все стойбище... А она, чтобы предупредить меня, чтобы я не заразился, поднялась с постели... и пришла сюда... «В будущем году приезжай», — сказала...

Не знаю, как только шаманка меня отвезла назад, в Албай... Три года будто держали меня в цепях. Иногда приходил в себя, все хотел убежать к своим... Пока там жил, сюда приехал другой род. Говорили, что ничего здесь не было, только жерди от чумов нашли... Наверное, волки все съели...

Тут старик закашлял. Из его глаз лились крупные капли слез, а сам он в эту минуту был похож на израненного, выброшенного на чужую землю орла. И казалось, что он не кашлял, а кому-то угрожал, кричал, кого-то

проклинал. А вокруг чвикали птички, со стороны сопки громко вопили чайки, наверное нападали на орла, потому что время от времени он вскрикивал: «Хий-я, хий-я!..».

Наконец кашель унялся. Старик шумно высморкался и, вытирая слезы тихо произнес:

— Так весь мой род исчез... а нож с тех пор здесь лежал.

Я больше не слушал его. Мои губы тихо шептали слова старика: «Весь мой род исчез...»— И перед моими глазами вставала картина страшной трагедии: над потемневшими равнинами, над затихшими озерами черной тучей ползет стон, жуткий и печальный. И каждый его звук, вопль задыхающегося сердца, обжигающим ремнем бьет по нежным цветкам, на крохотных ладошках держащих синеву неба; по большеглазым птенцам, всем доверчиво улыбающимся и раскрывающим свои объятия; по ушастым оленятам, застывшим на бугорке от недоумения... Стоны, стоны... Дикае вопли, мольба о пощаде, проклятия... Но нет спасения... Никто не отзывается им, только ветер в онидигиле грустно воет, да изподголовья смерть холодом дышит... Вот и все!.. Последний крик, раненой птичкой, упал на землю, последний вздох растворился в тумане. Осталась только память, да и то короткая, о страданиях, о несчастьи — осиротевшие чумы. Стоят одиноко как хворостинки среди птичьих разговоров, птичьих радостей, беззвучно оплакивая своих хозяев. А на берегу, по гнилым сетям, важно расхаживает чайка, удивленно поглядывая на травинку, танцующую у входа в серый чум.

— Эй, Кондиэ! Уснул, что-ли?..

Старик Нявал заглянул мне в лицо и улыбнулся своей светлой, открытой, как у младенца, улыбкой.

Вертолет шел на посадку...

ЧИРЭМЭ

— Нет! Поеду... поеду и запишусь. Хватит! И нам пора пустить свой, отдельный, дым...

— Ну, разве я тебе мешаю? Я сама хочу, чтоб ты скорее женился, но... эта твоя Катя мне не нравится... Чирэмэ, может еще подумаешь, о? Может еще другую найдешь?.. Из своих?

— Хы! А зачем мне другая? Мне нравится Катя!

— А Ядархэ? Какая хорошая девушка! Работящая. Скромная. А как шьет — просто любо глядеть... Как я мечтала видеть ее своей невесткой...

— Мама, ну чем хуже Катя... этой Ядархи?..

— Катя какая-то быстрая, словно вихрь. Потом... она — якутка... Оленей не знает. Вдруг подойдет к ним с левой стороны... Олени ведь не лошади...

Такой разговор происходил в небольшом, наскоро поставленном шатре оленеводческой бригады между Чирэмэ, молодым девятнадцатилетним парнем, и его матерью.

Мать, с трудом воспитавшая своего единственного сына, не хотела, чтоб он женился на якутке, от которой за версту пахнет коровьим навозом. Она мечтала о Ядархе. Даже во сне видела, как та любовно ухаживает за мужем, ее Чирэмэ.

Ядархэ, давно любит Чирэмэ. Еще со школьных лет. Бывало, останется Чирэмэ после уроков (а это случалось часто с ним), она тихо подойдет к его парте и незаметно сунет ему, завернутый в тетрадный лист, кусочек мяса — часть своего обеда. Чирэмэ не обращал особого внимания на Ядарху, но подарки ее принимал. А через полчаса опять доводил ее до слез насмешками. Это по его примеру ребяташки стали обзывать Ядарху «дырявым глазом»

(девочка в раннем возрасте потеряла мать. Скучала о ней и часто плакала). Другая, на месте Ядархи, возненавидела бы Чирэмэ. Но вышло так, что девушка полюбила его. И вот, года два тому назад, она поведала свою тайну матери Чирэмэ. Старуха сама не раз приглядывалась к скромной сиротке и на радостях обещала поддержать ее, замолвить словечко перед сыном.

Теперь, почувствовав, что не видать Ядарху своей невесткой, всячески старалась мешать женитьбе Чирэмэ на приезжей якутке. Но сын оказался упрямее, чем она предполагала, и вот едет в поселок к своей невесте.

Олени легко, почти без понукания, несутся по зимней дороге. Чирэмэ сидит, наклонившись вперед, наблюдает за комьями снега, вылетающими из-под копыт оленей. Он думает. Думает о Ядархе. Хорошая она, добрая. А как любит его! Как собачка — своего хозяина. А он ни разу теплого слова не сказал ей.

«Ядархэ, Ядархэ... бедная Ядархэ... Останешься ты, как эти комья снега на моем пути... — негромко прошептал Чирэмэ — Как эти комья снега... Полозья моих нарт к другой бегут... к Кате».

Он выпрямился, крикнул на оленей и опять задумался, прислушиваясь к грустному, похожему на колыбельную песню, пению тишины. Оно то приближалось, сливалось с веселым скрипом полозьев, то опять удалялось, растворяясь в синеве, как дни далекого-далекого детства, когда все ему казалось понятным, простым.

И правда, что он тогда знал? Небо и солнце — над собой, землю, травы и птичьи гнезда — под собой, людей и оленей — вокруг себя, песни и слова — внутри себя. Все просто и ясно.

А потом... все запуталось, завертелось, как в пургу. Появились русские люди, люди с продымленными, рыжи-

ми волосами, по-гусиному гогочущие якуты на хвостатых оленях, какие-то бумаги, буквы, книги и непонятная болезнь — любовь.

«Да... а в детстве все было куда проще» — вслух подумал Чирэмэ и подшевелил левого ездового. Лентяй и хитрец, воспользовавшись случаем, перестал помогать напарнику. Чирэмэ сначала «погладил» его хореем, потом ударил сильнее, потом еще сильнее да так, что бедняга скорчился и стал лезть под голову своего напарника, как бы желая за него спрятаться. И вдруг!.. Правый ездовой остановился и боязливо оглянулся на хозяина. «Что случилось?» — с ужасом подумал Чирэмэ, слезая с нарты. Подошел к оленю, погладил по шее, и закурил. Только тут он заметил под ногами оленьи следы. Около двадцати оленей пересекли дорогу с востока на запад. Притом, недавно — следы были совсем свежие.

— Из какой бригады?.. А, из четвертой должно быть... — Он вспомнил, что видел шатер четвертой бригады на высокой сопке Чамуолэл Улуро. Черти, ну и пастухи собрались. Наверное, всю ночь спят.

Чирэмэ решил было идти по следам оленей, но вспомнил, как недавно их бригадир хвастался своими пастухами на собрании, и передумал.

Он сел на нарту и поехал дальше, в поселок. «А ну их! Пусть сами стерегут! А то — спят, отдыхают, а ты бегай за них! Не-ет уж, пусть сами потеют» — думая так, Чирэмэ безжалостно подгонял оленей хореем.

Вскоре он достиг края леса и остановил упряжку. Здесь он оставит оленей на ночь, привязав им ошейники, а сам, пешком, пойдет в поселок.

Уже вечерело. На небе появились бледные звезды. По равнине гуляли сумерки. Ветер тоже стих, и до слуха Чирэмэ донесся лай собак в поселке. «Наверное, кто-то прие-

хал»— подумал он, распрягая оленей. Лай опять послышался, теперь уже с другой стороны. Чирэмэ прислушался, и тут... словно холодное небо зажало его голову в тиски: совсем близко, со стороны реки, выли волки! С той стороны, куда ушли олени. Скоро, скоро они нападут на следы оленей и тогда...

— Нет, надо вернуться, спасти оленей,— проговорил вслух Чирэмэ, обратно запрягая оленей. Но тут вспомнил Катю, вчерашнюю шутку дяди Христофора, о сватах-якутах из соседнего колхоза, и заколебался. Он представил, как приезжие якуты сидят в доме Кати. А Катя?.. Наверное, плачет и ждет его, Чирэмэ, своего спасителя.

Он снова принялся распрягать оленей, но тут опять послышался голодный вой волков.

«Что же делать?»— Чирэмэ посмотрел в глаза ездового, как бы ожидая от него совета, и вдруг увидел замутневшие, в крупных каплях замерзших слез, другие глаза, окровавленного, растерзанного оленя.

Чирэмэ решительно поднял лямки и вскоре понесся обратно, в тундру.

Он нашел оленей уже далеко за полночь. Они лежали на склоне холма. Заметив Чирэмэ, вначале бросились было на запад, но вскоре, услышав властный окрик хозяина— человека, остановились, Чирэмэ подъехал к ним, отпустил своих ездовых и стал дожидаться утра.

Ночь прошла спокойно. Только под утро издалека послышался вой волков, потом все смолкло. Чирэмэ лежал на нарте, лицом к западу. Он полагал, что именно с этой стороны могут напасть волки. И вот, когда начали таять сумерки на равнине, он вдруг заметил человека. Человек шел медленно, что-то держал над головой. Вот уже слышится его чихагал.¹ «Как у дьявола»,— подумал Чирэмэ,

---

¹ Звук, издаваемый мерзлой подошвой на снегу.

вспомнив сказку о людоеде, который жил в железном шатре на высокой горе. Он оттуда приезжал в тундру и забирал людей себе на обед. Чирэмэ представил, как он сейчас подойдет к нему, схватит и бросит в мешок...

— Эй, кто ты такой? — крикнул Чирэмэ человеку. Тот остановился. Это был юноша, который однажды на танцах увел от него Катю. Тогда Чирэмэ готов был драться с ним насмерть, и дрался бы, если бы не вернулась к нему Катя, бросив того парня.

«Может, сейчас он драться пришел?» — подумал Чирэмэ, заметив на его плече палку. И поднялся ему навстречу. Но что это такое?! Ноги не держат, подкашиваются. Руки, как ватные, висят, словно пустые рукава. «Сплю, что-ли?» — с ужасом подумал Чирэмэ, отступая на шаг от юноши, и тут же замер, вздрогнув от звонкого и очень знакомого голоса. Оглянулся — Катя! Подошла. встала между ними и, глядя в глаза Чирэмэ, запела:

Погляди-ка на равнину,
Сколько белых снегирей!
Тянут тальник и травинки
Из-под снега, в синеву.

Тянут-тянут, будят тальник,
Вместе с ними — доброту,
Чтоб любовь ее светла, —
Затопила снежные тучи.

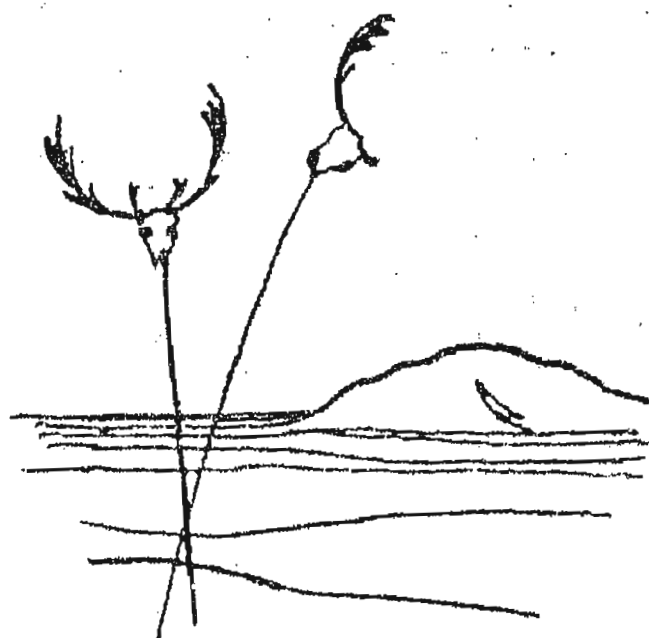
Зацветет тогда весна
На груди земли цветком,
Чтоб корнями вновь слиться
С сердцем матери своей.

И любовь моя — цветок,
Все — тебе. И лишь — тебе.
Без твоей, мой милый, ласки
Ей не цвести! И мне не цвести!

Тут поднялась она на носки и поцеловала его прямо в губы. Чирэмэ схватил ее за плечи и... проснулся. Сначала он не сообразил, где находится, и только увидев ездового с развесистыми рогами, с грустью понял, что он в тундре — у отбившихся оленей, что так и не был в поселке, не зарегистрировался в Совете с Катей. А сейчас надо гнать оленей в четвертую бригаду, за 60 километров отсюда. Затем надо ехать к себе, на дежурство...

— Печально... — задумчиво произнес Чирэмэ и тихо добавил: — Но ничего... Главное не в этом, главное в Кате. Она меня любит... И я верю, не изменит... Будет ждать...

КУРИЛОВ СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1935 году в Олеринском наслеге Нижнеколымского района Якутской АССР. По национальности — юкагир.

По окончании начальной школы, в 11 лет, в связи с преклонным возрастом и болезнью отца, стал работать в колхозе пастухом-оленеводом.

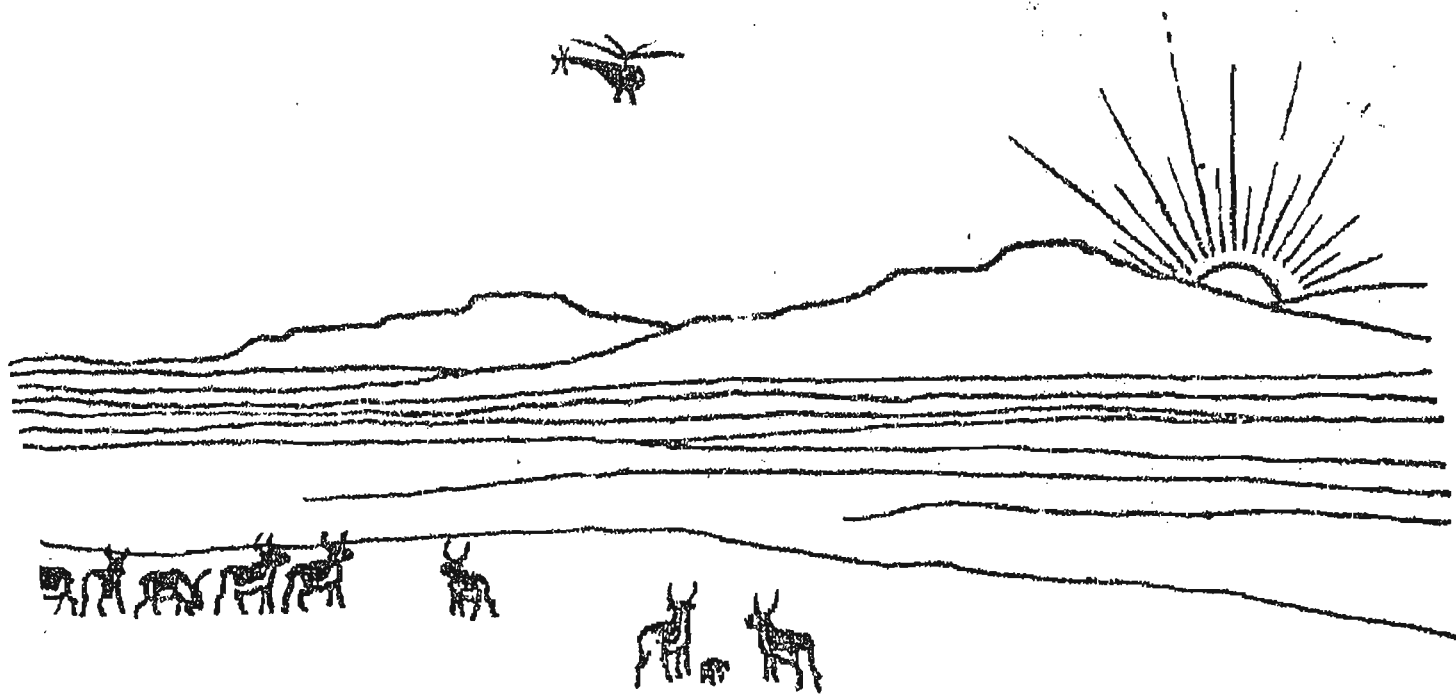
В родном поселке Тустах-Сень работал кассиром-счетоводом колхоза, заведующим клуба, затем секретарем наслежного Совета.

В дальнейшем работал радистом-морвистом в Нижнеколымской конторе связи, практиковался на киномеханика, заведовал Красным чумом при Нижнеколымском отделе культуры.

С 1955 года пишет в газетах. При помощи редактора районной газеты Сучкова М. А. пробует писать очерки, литературные зарисовки. В своем литературном самообразовании много обязан именно своему редактору М. А. Сучкову.

В 1961 году в сборнике писателей Крайнего Севера «От Москвы до тайги — одна ночевка» вышел его первый рассказ — «Увидимся в тундре». Этот рассказ в 1963 г. вышел на якутском языке в альманахе «Хотугу сулус».

В настоящее время работает в поселке Черский.

УВИДИМСЯ В ТУНДРЕ

Еще с утра на южной стороне неба появилась иссиня-лиловая туча. Она неторопливо росла, лохматилась по краям и кое-где на горизонте соединялась с землей прямыми полосами — там шел дождь. К полудню туча закрыла солнце, в тундре стало сумеречно, скучно. С юга подул теплый ветер. И тут полил дождь — первый в этом году, он пришел, как предвестник близкого лета. Сначала падали редкие, слабые капельки, потом они сделались крупнее, чаще; текли по лицу, по шее; даже олени поднялись на ноги.

Маленькие телята, которые видели такое впервые в жизни, с любопытством принюхивались к запаху дождя, вздрагивая всякий раз, когда капли попадали на ноздри. Некоторые опасливо глядели на вскакивающие в лужах

пузыри. А опытные важенки, которым дождь был не в новинку, зажмурив глаза, невозмутимо жевали жвачки. Только когда густая шерсть промокла насквозь и отяжелела, важенки полегли на сырую землю.

Эдуард поеживался от струек, затекавших за воротник и щекотавших спину.

«Дурак, не послушался матери, не надел дождевик», — подумал он.

Холодно не было. Под армейской гимнастеркой Эдуард носил солдатский ватник, а гимнастерку туго подпоясывал широким солдатским ремнем с блестящей пряжкой, которую он каждый день чистил золой. Этот ремень он берег. Гимнастерка порвется, износится, а ремень — верный друг на много лет, такой же прочный, как память о службе в армии. Шапка-ушанка, сшитая из шкуры олененка, намокла до последней шерстинки, стала тяжелой, будто прижимала голову к плечам. И только резиновые сапоги с длинными голенищами по-прежнему были легкими и сухими внутри.

Что-то мутное мелькнуло справа. Эдуард повернул голову: псец осторожно пробирался мимо стада, видно лакомился последями отела — их сейчас много валялось на пастбище. В эти дни шел массовый отел. Вот и сейчас одна важенка легла на бок, тяжело дыша. Эдуард зорко следил за ней — не надо ли помочь. Но все обошлось и без него. Родился черный теленок, хотя мать была серая. Важенка встала и принялась облизывать теленка, а он в это время встряхивал мокрыми ушами. Тщательно вылизав теленка, важенка легла рядом с ним. Теленок потыкался мордочкой, нашел вымя и с видимым усилием начал сосать.

Дождь перестал, ушел на север. Уже вечерело. Туск-

лый диск солнца спускался за тучи, лишь изредка на мгновение появляясь в просветах.

Эдуард взбежал на небольшую сопку. После дождя тундра стала совсем другой. Вся она была ровного темно-серого цвета. И только редкие пятна снега лежали еще кое-где в ложбинах у подножий холмов.

Эдуард оглядел стадо. Оно медленно передвигалось по пастбищу. Задние олени подтягивались к передним, которые паслись уже на новом месте. Эдуард засмеялся, уж очень забавны были новорожденные телята. Еле держась на длинных ногах, они все же упорно пытались идти за матерью. Но, сделав два-три неверных шага, падали на землю грудью и лежали так, пока мать-важенка не прибежала назад. Важенка, подбежав к лежащему теленку, ходила вокруг него, бесконечно мыча. Тогда теленок, словно понимая ее уговоры, с трудом поднимался, делал еще два-три шага, и снова падал. И снова мать-важенка мычала, и теленок, наконец, вставал, а мать подставляла ему вымя. И когда теленок начинал сосать, важенька тихонько переступала и так, шаг за шагом, вела за собой своего малыша.

Вдруг Эдуард почувствовал усталость. Пора бы уже Егору сменить его. Эдуард огляделся и в самом деле издалека увидел Егора. Удивительно только, что тот шел совсем не со стороны дома, а с восточной стороны, где пасется восьмое стадо. К тому же Егор шел не один, еще какие-то двое шагали рядом с ним. Когда подошли поближе, Эдуард узнал одного: это был заместитель директора совхоза Бережнов, а второго он никогда не видел.

— Здорово, Эдуард! — крикнул Егор. — Оленей считаешь? Много отелилось сегодня?

— Двадцать одна, — ответил Эдуард и посмотрел на незнакомого человека.

— Знакомься,— представил Бережнов.— Это секретарь райкома, товарищ Седых.

— Николай Сидорович,— протягивая руку, сказал секретарь райкома.— Смотрели восточное стадо, сейчас в наслег возвращаемся, решили зайти за вами. Надо поговорить. Вы уже свободны?

— Сейчас, только стадо передам,— ответил Эдуард и повернулся к Егору.— Значит, двадцать одна отелилась. Один слабый теленок есть. Вон стоит его мать,— и показал на серую важенку в середине стада.— Ты смотри за ними. А так все в порядке. Возьми книгу.

Эдуард вытащил из-за пазухи толстую книгу и протянул Егору.

— Что за книга? — заинтересовался секретарь райкома.

— Это писателя Олдриджа книга — «Герои пустынных горизонтов».

— Понравилась?

— Книга понравилась, а человек этот, Гордон, немного понравился, больше не понравился. Я так понял, он английских империалистов ненавидел, а как арабам правильно помочь не знал. Он больше назад глядел, а не вперед.

Секретарь райкома ничего не ответил Эдуарду. Повернулся к Бережному и сказал:

— Верно вы наметили кандидатуру. Вполне согласен с вашей оценкой. Ну, пошли.

— Иди, иди,— кивнул Егор Эдуарду,— выступишь по-своему.

— Это как же, по-своему? — спросил Бережнов.

Егор охотно пустился в объяснения.

— Эдуард такой человек: долго может не спать, зато и спит потом по-медвежьи долго. А я такой, что успеваю

вздремнуть, пока олени бегут против ветра, спасаясь от овода.

Шли не спеша, стараясь ступать по кочкам: весенняя вода предательски прикрывала скользкий лед, ступишь неосторожно — выкупаешься. Кому это приятно? Потому и молчали. Только когда поднялись на высокий холм, с которого была видна Большая Олера — на километры протянувшееся озеро, — секретарь райкома Николай Сидорович заговорил с Эдуардом.

— Много нашли перемен, когда вернулись домой после армии? Вы в Чите служили?

— В Чите. Еще бы немного перемен! Когда уходил, колхоз у нас был, а приехал через три года — все оленеводы рабские совхоза. Паспорта у всех, как в городе. Пастухи-оленеводы зарплату получают. Отец говорит — министерская зарплата. Газеты всегда свежие, от силы недельной давности. Совсем хорошо юкагиры стали жить.

— А надо бы еще лучше, — сказал секретарь райкома. — К концу семилетки на месте вашего наслега большой поселок вырастет. Электростанция своя будет. Постоянное кино, не передвижка. Механизацию, где только можем, внедрим.

— Механизация — это хорошо, — подхватил Эдуард. — Раньше, когда стада летом угоняли далеко, к берегам Восточно-Сибирского моря, у оленеводов продуктов не хватало. Кончится сахар, кончится мука, за ними не съездишь. А трактор всюду пройдет, да и самолету туда-сюда слетать, продукты забросить, все равно, что оводу с одного оленя в стаде на другого перелететь.

— Люди нужны к механизации, товарищ Третьяков. Вот об этом я и хотел с вами поговорить. Поедете на год на курсы механизаторов? При Омском сельскохозяйственном институте курсы.

— Поеду,— сказал Эдуард, раньше чем успел подумать.

— Вот и хорошо,— обрадовался секретарь райкома.— Только поспешить вам придется, не позже послезавтрашнего утра выехать надо. В Андриюшкине в сельсовете документы оформите. А оттуда, я думаю, почтовым вертолетом до райцентра добраться можно будет.

Эдуард помрачнел. Что-то мать скажет, всего полгода дома побыл и опять уезжает. И почему курсы в Омске, лучше бы в Чите.

* * *

Эдуард вошел в свой тордох. Отец спал. Мать ждала, сидела, задумавшись, у железной печки. Увидела сына, бесшумно засуетилась. Подкинула сухих щепок в печку, суп согрела, хлеб нарезала. Лампу зажигать не стала, да это было и ни к чему — свет весенней ночи проникал, через окна в косом потолке палатки.

Пока Эдуард ел, мать неотрывно смотрела на него. Потом налила в фарфоровую кружку чай и, лукаво улыбувшись, стала рыться в ящике с книгами Эдуарда, как он говорил — в тундровой этажерке.

— На, Таро,— назвала она его далеким детским именем.

Эдуард взял конверт, глянул на штамп — из Читы! Он осторожно надорвал конверт, оттуда выпала карточка. Глаза у матери блеснули любопытством, но она вежливо отвернулась. Эдуард и сам не стал смотреть на карточку. Оставив кружку с недопитым чаем, он вышел из палатки. То ли в палатке света было недостаточно, то ли хотелось остаться с письмом наедине. Ведь письмо — тот же разго-

вор, а разве станешь говорить о задушевном при ком-нибудь, даже при матери.

В наслеге было тихо. Только собаки приезжих, привязанные поодаль от палаток, увидев Эдуарда, зашлись хриплым лаем. Присев на нарты, Эдуард стал всматриваться в фотографию. Изменилась Таня. Причесывается по-другому. А может, не изменилась, только так на карточке кажется. Потом развернул письмо. Волнуясь, просмотрел сначала до конца и понял одно — приезжает! У них на зоотехническом отделении было распределение. Она сама попросилась к ним в тундру. Теперь, узнав самое главное, Эдуард стал читать медленно — слово за словом, отмечая все то ласковое, что таилось за словами.

Мать выглянула из палатки.

— Иди спать, Таро, сынок. Скоро солнце поднимется. И старуха начала обходный маневр.

— Там вроде карточка была?

— Была, была. Есть карточка, мама. Вот смотри.

Мать впилась в фотографию придирчивым взглядом.

— Беленькая, — вздохнула она, — совсем на юкагирку не похожа. Что же будет, Таро, ты здесь, она там... Какой толк? Я, старая, внуков хочу.

— Так она приезжает, мама. Поженимся мы.

Мать снова вздохнула.

— Образованная! Ты у меня тоже не темный. Но тебе тундра — своя, ей — чужая. Соскучится, нам обидно будет.

— Она ведь работать сюда едет. Зачем скучать.

— Если скажут: русская девушка полетела жить на Луну — я поверю, она храбрая, русская девушка. А что бы за оленевода замуж пошла, с ним по тундре кочевала, — не верится.

— Я тебе сейчас объясню, — медленно проговорил

Эдуард.— Это правда, если надо, Таня и на Луну бы полетела. Чтобы такие дела совершать, надо не только храбрым, надо умным быть. А умный и в тундре не соскучится. На целину девушки едут, не скучают. Слыхала про целину? Это край, где выращивают мучную траву.

И старуха понемногу успокаивалась. Кивала головой, заглядывая в счастливое лицо сына. Потом засмеялась:

— Ты ей передвижной дом построй. Чтоб трактор его по тундре таскал, а то ей в тордохе нехорошо будет.

— Скоро всем, мама, дома построят. И ты в тордохе жить не будешь.

За письмом, за разговором с матерью Эдуард совсем забыл о предложении секретаря райкома. И только когда лег, что-то в груди слева будто стукнуло и остановилось. Таня приезжает, а он... Что же он сделал! Зачем дал согласие?

Но усталость сморила его, и он заснул. Только заснул в тревоге.

И встал в тревоге. И пока мать готовила завтрак, все томился, не знал, что решить. Так и не решил и матери с отцом ничего не сказал, а секретарь райкома пришел. Вошел, поздоровался и сразу о деле.

— Как, товарищ Третьяков, успеете за сегодняшний день стадо передать? Отел кончается, комиссия приедет стадо пересчитывать. Подготовьте там все с напарником.

Мать насторожилась. Отец бросил чистить ружье, но головы не поднял — двое мужчин о деле разговаривают, третьему не надо вмешиваться.

— Я, Николай Спиридонович, не знаю, то ли ехать, то ли не ехать. Мать огорчается, давно ли я из армии пришел...

Секретарь райкома повернулся к родителям.

— Разве вы не хотите, чтоб сын на год учиться поехал?

— Почему не хотим? — удивился отец. — Мужчине так и положено ездить большие дела делать. Пусть едет. Дочка и то дома не живет. В Андрюшкине, в интернате живет. В восьмой класс ходит.

А мать, зная о сыне больше, чем отец, сказала:

— Ох, сынок, не мое ты сердце бережешь. А что ты ночью говорил: на Луну полететь не только храбрым, надо умным быть. Ты сейчас говоришь, не как храбрый, и не как умный. А тебе это обязательно нужно. Ведь, тот, другой человек, и храбрый и умный.

Из четырех, находившихся в тордохе, только сын и мать понимали, о чем идет разговор. Двое других могли лишь догадываться. И по глазам Николая Спиридоновича можно было понять, что догадки верные. Он что-то хотел сказать, но Эдуард твердо проговорил:

— Еду.

* * *

В тот день на берегу Большой Олеры было шумно. Все жители стойбища пришли провожать Эдуарда. Старый Умукан суетился около собачьих упряжек. Путь предстоял тяжелый: снег сошел, ехать нужно по черной земле. Поэтому в обе нарты запрягли по двенадцати собак. Нарты расковали, сняли с них железные подпозвья. На нартах уже привязаны чемодан и мешок. В чемодан мать уложила сорочки, майки, ботинки, черный костюм, галстук. Хотела дать меховое одеяло, да сын не взял. А мешок набила вареным и вяленым оленьим мясом — выбрала лучшие куски, мягкие, жирные.

Хорошо все совпало. У учеников младших классов

занятия кончались. За ними ехать в Андриюшкино, забрать из интерната вызвался старый Умукан — ему к главному врачу, очки менять — старые слабы стали.

Провожали долго. Народу много, каждому хотелось свое слово сказать. Только собаки, которым надоело стоять в упряжке, то и дело поднимали неистовый лай, рвались вперед, сбивая алыки. Умукан укрощал их ударами кулака, и они слушались его, затихали.

Эдуард беспомощно смотрел на мать. Она все плакала и плакала. Отец тронул ее за плечо, попытался шуткой успокоить. Кивнул головой на весенние ручьи, что звеня, сбегали по склонам в Олеру.

— Смотри, старая, от твоих слез уже ручьи побежали, скоро реками станут. Побереги слезы на мою смерть. А то нечем плакать будет.

Мать заплакала еще пуще.

— Только мне этого не хватало, чтоб ты раньше меня умер! — приговаривала она. — Вот умру я, похорони меня, а там — как хочешь.

Старый Умукан пожалел мать.

— Зачем сына отпускаешь? Еще не уехал. Еще не поздно.

И тут мать накинулась на Умукана.

— Ты свою жизнь за оленьим хвостиком проходил. Ничего больше не видал. А он молодой, ему дорога впереди большая лежит. Ты что хочешь, чтобы и он всегда за олений рог держался. Не будет этого!

Она решительно вытерла глаза и закурила длинную трубку.

Теперь и в самом деле настала пора расставанья. Сперва Эдуарда обнял отец, расцеловал по обычаю — в лоб, потом в подбородок, в правую щеку, в левую щеку. А мать, не по обычаю, крепко обняла, зашептала в ухо:

— Сынок, пусть твоя приезжает. Мой рот по-юкагирски говорит, ее по-русски, а сердце на одном языке у нас говорить будет — оба тебя любим.

Умукан крикнул, собаки рванули постромки. Вслед уезжавшим летели прощальные слова — юкагирские, якутские, чукотские, русские.

Застоявшиеся, отдохнувшие собаки сначала легко тянули по черной земле. Ноша была не тяжелая, по одному человеку на нарту.

Утренняя тундра радостно блестела свежими лужами под солнцем. Куропатки, сидевшие на кочках, беспокойно вертели головами, завидев упряжки. Потом самцы хабекали глухим голосом, успокаивали своих самочек — не бойся, мол, ничего опасного нет.

Скоро собаки устали, вывалили красные языки, дышали часто.

— Спустимся на озеро, по льду поедем, — предложил Эдуард.

Лучше бы он этого не говорил. Умукан завел нескончаемую воркотню.

— Самолеты — это хорошо. Я, старый человек, тоже понимаю. Только вы сейчас легко живете. Сел в самолет — полетел, летчик знает свое дело. А ты самолет вести не можешь. А своего дела тоже не знаешь. Разве можно на рискованной нарте по льду ехать? Полозья испортишь! В старину говорили: ненужный человек до последнего волоска живет. Видно, неправду говорили. У старого Умукана не много волос на голове, а он еще нужный человек. Кто бы вас, молодых, учил, если б не старики. А то вы тундру забываете, а в тундре живете.

«Тундра», — рассеянно думал Эдуард, слушая и не слушая старика. Сколько раз рассказывал он Тане про тундру. С первого же дня, как познакомились.

С того самого дня, как комсомольцы их роты пришли помогать комсомольцам-студентам сельскохозяйственного техникума строить общежитие. Только разве можно рассказать про тундру? Таня говорила, что понимает. А вот сумеет ли полюбить его родные края? Он бы ее научил любить. Может, все-таки не надо ему уезжать?

Упряжки, слушаясь перикола, повернули от берега озера на запад, начали подниматься на мугил — высокую сопку. Собакам стало совсем тяжело. Умукан и Эдуард соскочили с нарт, пошли рядом. Давно уже виден был хребет Албай. Он не приближался, не удалялся и все манил к себе, синей грядой возвышаясь над западным горизонтом. А озеро Олера лежало сзади, занимая огромную равнину целиком, противоположная сторона еле виднелась тонкой ниткой.

Умукан опять замолк. Молчал и Эдуард. Над ними низко пролетали стаи гусей. Слышно было, как трещат маховые перья. И всюду на озерках где лед уже успел подтаять, на воде и по берегу виднелись гуси. По тундре шла весна.

— Гляди, — вдруг сказал Умукан, — вон белеет едома. Там когда-то большое юкагирское стойбище было. Очень большое. Я еще молодым был, старики рассказывали: белая ворона, пролетая над тем стойбищем, стала черной от дыма очагов. Вот сколько тордохов стояло! А потом пришла страшная болезнь, принялась валить людей. Никого в стойбище не осталось. Теперь бы такого не случилось. — Умукан засмеялся, узкие глаза стали совсем щелочками. — Тррр... налетели бы самолеты, вертолеты, навезли врачей, ни один бы юкагир не умер.

Старый Умукан надолго задумался. Потом спохватился и грозно прикрикнул на совсем было приостановившихся собак.

В Андриюшкино приехали как раз к утру. Сельсовет работал, и контора совхоза была открыта. Эдуард быстро оформил документы. Там о нем все уже было известно. Почтовый вертолет из райцентра, сказали, задерживается — неисправность какая-то в моторе. И будет лишь к вечеру, а назад полетит, возможно, завтра утром.

У Эдуарда на весь длинный свободный день оставалось всего два дела. Повидать Марину, младшую сестренку, и еще одно, очень важное. Идти в интернат не пришлось — Марине уже кто-то передал, что приехал брат, и она прибежала к сельсовету, на диво похорошевшая, сияющая яркой чернотой глаз, белозубой улыбкой. Расцеловав Эдуарда и прокричав звонким, на весь поселок, голосом, что все девушки ужас-ужас волнуются, она еще раз расцеловала его и убежала сдавать экзамен. Жизнь ее была полна и без брата.

Эдуард пошел на почту. Письмо долго пройдет, надо послать телеграмму. А много ли в телеграмме напишешь? Но все-таки сел писать телеграмму. Написать Тане, чтобы в Чите оставалась ждать, пока он курсы окончит? Не хотелось. От Омска до Читы ближе, чем до тундры. Однако, если Таня станет ждать его в тундре, она словно рядом с ним будет. Но и советовать ей так нельзя, она же к нему хотела ехать, а он уезжает.

Эдуард перепортил кучу бланков. Почтовая девушка с откровенной насмешкой смотрела на него. Но Эдуард не сдавался, рвал очередной испорченный бланк, краснел и шел за новым.

Вдруг издали что-то затрещало.

— Катя! — крикнула почтовая девушка в заднюю комнату. — Слышишь, вертолет прилетел. Беги почту при-

нимать. Я сейчас окошечко закрою, корреспонденцию к отправке приготавливаю.

Вертолет прилетел! Притом — неожиданно! Окошечко закрывают! Эдуард больше не раздумывая, написал:

«Лечу Омск годовичные курсы механизаторов телеграфируй планы». И дал адрес райцентра.

Почтовая девушка с любопытством взяла бланк, привычно постукивая карандашом, отсчитала слова и осталась явно недовольной.

— Пишет, пишет, — пробормотала она. — Я думала про любовь, а он на курсы едет! Подумаешь, невидаль!

Все еще недовольная, она быстро выбросила квитанцию и сдачу и захлопнула окошечко.

А Эдуард, забежав в сельсовет и схватив чемодан, ринулся на окраину поселка, туда, где опустился вертолет.

Сдача и приемка почты заняли всего двадцать минут.

Вот захлопнулась дверь вертолета. Лопасты закружились, постепенно прибавляя обороты, и скоро превратились в свистящий черный круг. Вертолет чуть качнулся и поднялся вверх.

Почтовые девушки, машущие руками, скрылись под вертолетом, стал виден весь поселок. Дома, выстроенные в строгом порядке, казались спичечными коробками, белой лентой потянулась река Алазея.

Эдуард поймал себя на том, что ему страшно. Особенно, если смотреть вниз. Он удивился, ведь не в первый раз летает, никогда такого не было. Потом сообразил, что он прежде только на самолете летал — как ни выглянешь в окно, видна плоскость крыла: для глаза опора. А у вертолета крыла нет, висишь в воздухе и все тут.

Уже прошло под вертолетом озеро Йохон-муол — Якутская ночевка. Здесь когда-то рыбачили якуты, за одну весеннюю ночь вытаскивали полную ветку рыбы. Это

озеро многих людей спасло во время войны: колхозники после тяжелого трудового дня приезжали на ночь добывать рыбу для голодных семей.

Пока Эдуард вспоминал, под вертолетом уже поплыла чукотская тундра Халарча. Эдуард эту тундру проезжал на оленях, когда его посылали в Колымск на слет оленеводов. Он запомнил многие места и теперь с интересом узнавал их с воздуха. Вон, к примеру, чуть севернее виднеется холм Симэвийэ, верно, от русского слова «зимовье». Кто, когда, зачем зимовал здесь, в этой голой тундре, непонятно, но слово живет и само по себе напоминает о неведомых нам людях.

Дальше пошли совсем неизвестные места. Эдуард, не спавший уже около полутора суток, незаметно задремал, а потом заснул так крепко, что проснулся лишь тогда, когда вертолет подскочил на твердой земле аэродрома.

Узнав, что самолет улетит через два часа, Эдуард вместе с летчиками поехал на маленьком зелененьком автобусе в поселок. Побывал в райкоме комсомола и, конечно, на почте. Телеграммы на его имя не поступало. Может Тани дома не было, когда его телеграмма пришла. А может, рассердилась. Эдуард загрустил.

На том же зелененьком автобусе вместе с другими пассажирами он вернулся на аэродром.

Скоро началась посадка. Экипаж самолета прошел вперед. Еще не успели убрать сходни, как из помещения выскочил начальник аэродрома, побежал к самолету, размахивая над головой белой бумажкой. Кто-то из экипажа вышел ему навстречу. Тотчас вернулся, держа белый листок в руке.

— Пассажир Третьяков здесь?

— Телеграмму на ваше имя передали с почты на аэродром. Ждали?

— Еще как ждал! — облегченно выговорил Эдуард.

«Учись отлично приеду твоим родителям постараюсь быть дочкой встретимся в тундре».

Такая она и есть, Таня — храбрая и умная. И добрая. И любовь у них самая настоящая.

Самолет вырулил на взлетную дорожку, взревел и, набирая скорость, поднялся в воздух.

Прощайте, северные, равнины, плавные холмы, прощайте, озера, гуси-утки и чайки! Прощайте, отец и мать, прощай, Таня! Через год увидимся в тундре.

ИСЦЕЛЕНИЕ ЛИМХИ

Жили в тундре старик со старухой. Люди трудолюбивые, но немощные. Был у них один — единственный сын. Звали его Лимхой. Всю жизнь баловали его родители, и вырос парень лентяем — каких свет не видывал. Скажут ему:

— Пойди, Лимха, принеси юколу, да поешь, — застонет, заплачет сразу парень, мол у него все болит, ни рук не поднять, ни голову не повернуть. Поглядят-поглядят родители, жалко сыночка станет, — идут сами. Принесут пищу и в рот ему положат, ну а жевать он, уж мастер был.

Долго думали-рассуждали старик со старухой, как дальше быть с Лимхой. Пропадет ведь парень, когда останется один — не любит тундра лежебоков, сурова к ним. Наконец, решили призвать на помощь старика-шамана.

Пустился отец в дорогу. Длинный был путь, шесть трубок выкурил, седьмую начал, и только тогда увидел вдали тордох шамана.

Зашел старик в жилище шамана и оторопел: кругом, с наклонных стен свисают бубны, будто кто-то в ночном

небе множество лун повесил, а между ними звездочками амулеты сверкают. Шаман сидит, чай пьет, трубку курит.

— Выручи, мудрый человек, — просит старик, — прогони духов болезни из нашего тордоха. Замучили они сыночка нашего. — И сулит ему оленя взрослого. А у шамана готов ответ: давно он знал, что Лимха растет лентяем и ждал старика.

— Ну что ж, едем, вылечу парня, как не помочь бедным людям? И что там с ним приключилось? — спрашивает старика, будто впервые слышит о парне, а сам не нарадуется от предстоящего легкого заработка на людской глупости. «Надо только такое лечение придумать, чтобы не уморить ребенка», — думает он.

Подъехал старик с почетным гостем к жилью, а навстречу к ним старуха, вся в слезах. К шаману в ноги бросилась, молит его:

— О великий человек, выслушай меня! Попросила я недавно сыночка премилого посмотреть, не едет ли отец, а он отвечает: «Посмотрел бы, да глаза ничего не видят». Положила я его спать, и вот тебе раз — зрячим стал. Ослепнет он без вашей помощи! Прогоните, умоляю, злых духов. Лучшего ездового оленя отдадим.

Подошел шаман к Лимхе и спрашивает: «Где у тебя болит, парень?» А тот молчит, видно, вконец обленился.

Вечером началось камлание. Запрыгал, запричитал шаман, в бубен бьет, то громко, то тихо что-то непонятное самому себе наговаривает. Вдруг будто пришел в себя, и говорит радостно:

— Нашел я духов! Маленькие они! Как гниды! Влезли в кровь и там разъедают внутренности.

— Как же их прогнать? — спрашивает старик, держась за сердце, ибо оно чуть ли не покинуло его от слов шамана.

— Прогнать я прогоню, да вот только духов придется

одарить. Видно придется вам еще одного взрослого оленя мне уступить.

С готовностью согласились старики, хотя и не богато жили. Снова запрыгал, запричитал шаман, то громко, то тихо что-то непонятное самому себе заговаривать стал, и вскоре успокоившись, потребовал для себя оленьей крови. Сидит, пьет кровь. А Лимха, и правда, больным себя почувствовал — от звона и криков разболелась у него голова.

— Для вашего сына есть только одно лечение, — сказал шаман, допив кровь. — Каждый день раздевайте его донага и укладывайте на кочки. А там комары высосут из его крови злых духов. Комары, это мои помощники. Только это надо делать каждый день, до тех пор, пока не выздоровеет ваш сыночек, премилый паренек.

Обрадованные родители, отдав двух оленей, рассыпаясь в благодарностях, проводили шамана домой. И на следующий день взялись выполнять его советы. Потерпев лишь полдня этакую пытку, Лимха объявил о своем выздоровлении. Не узнать стало Лимху. Он и по дрова, он и за юколой, он и за снегом — всюду бегал. Не нарадуются старики на сыночка.

Вскоре парень женился и все хозяйство взял на себя. До самой смерти старики жили счастливо.

Так хитрый и алчный шаман помог людям, хотя ему было все равно — выздоровеет или нет Лимха. Верно говорят: «нет худа без добра».

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

*** Посмотрите, люди Земли...—Перев. Г. Плисецкого	5
Юкагирские огни.—Перев. Г. Плисецкого	6
*** Видишь...—Перев. Г. Плисецкого	7
Мама.—Перев. Н. Слепаковой	9
Дым юкагира.—Перев. Н. Слепаковой	10
Ветер.—Перев. Н. Слепаковой	—
Заря.—Перев. Н. Слепаковой	11
Непогода.—Перев. Н. Слепаковой	—
Ночь.—Перев. Н. Слепаковой	12
*** —Волною не буду...—Перев. Н. Слепаковой	—
Привет сестры.—Перев. Л. Друскина	—
Здравствуй, природа.—Перев. Л. Друскина	13
Лачидэдол.—Перев. В. Чагыла	14
*** Соком спелой голубицы...—Перев. В. Чагыла	15
Памяти Лумумбы.—Перев. В. Чагыла	16
Юкагирская песня.—Перев. Г. Гаденова	17
Юколэл Улуро.—Перев. Н. Ивановского	18
Дождь.—Перев. Н. Ивановского	20
*** В озерах лето...—Перев. автора	21
*** Нет уж сумерек на небе...—Перев. автора	—
*** В этом северном краю...—Перев. автора	—
Ритуальная песня.—Перев. автора	22
Россия —Перев. автора	24

РАССКАЗЫ

Пастух.—Перев. автора	27
Старик Нявал.—Перев. автора	35
Чирэмэ.—Перев. автора	44
Увидимся в тундре. Рассказ.—Перев. Н. Гессе и Р. Задунайской	53
Исцеление Лимхи. Предание.—Перев. М. Сучкова	68

*Улуро Адо (Курилов Гаврил Николаевич),
Курилов Семен Николаевич*

ЮКАГИРСКИЕ КОСТРЫ Стихи и рассказы. Якутск.
Якуткнигоиздат, 1965.
72 С. Силл.

С—ЮКАГИР

Ответственный редактор *И. Т. Тирский*
Худож. редактор *Е. В. Михайлова*
Техн. редактор *А. В. Егорова*
Корректор *М. И. Кузьмин*

Сдано в набор 19/VIII-1965 г. Подписано к печати 4/X-1965 г.
Бумага 70X108 1/32 Объем 2,25 физ. п. л. Усл. п. л. 2,57 Уч.-изд. л. 2,35
Тираж 4000 экз. Заказ № 168 МЛ 02190 Цена 10 коп.

Якутская республиканская типография
им. Ю. А. Гагарина
Якутск, Кирова, 9